

— Юрий Георгиевич, как вы думаете, почему в вашем спектакле «Гартюф» эта пьеса, в общем-то, как и вся драматургия Мольера, тяготеющая к поучительности, к дидактике, зазвучала совершенно неожиданно, засверкала совсем иными гранями?

— Я абсолютно убежден, что все здесь зависело от постановщика. Все зависит от того, как увидеть пьесу. Ведь и Шекспира можно поставить скучно, и не только Шекспира — кого угодно. Мне кажется, в спектакле самое главное — сохранить то, чем ценно театральное искусство — непосредственный контакт с теми, кто в данный момент его воспринимает, со зрителем. Так, чтобы происходящее заражало эмоциями, чувствами, наводило на размышления, возвращало к теме собственной жизни, к тому, что в данный момент происходит с ним лично. Для этого, ох, каким мудрым должен быть режиссер, как тонко он должен чувствовать ритмы нашего времени. Он должен быть таким, как Анатолий Эфрос, постановщик нашего «Гартюфа». Мне кажется, мы еще не исчерпали до конца его режиссуру, во многом не дотягиваем до нее. Что хотел поставить Эфрос? Трагедию доверчивого человека. Удастся ли нам это сыграть? Не думаю, чтобы полностью удавалось.

— Как Эфрос работает над спектаклем? Показывает, что актеру нужно делать в той или иной сцене?

— Да, показывает. Точно, хорошо, очень эмоционально. Он работает на износ, четыре часа без перерыва, и если даже ты не занят в сцене, все равно сидишь и с удовольствием смотришь, будто сам в этот момент работаешь на площадке. Гибкость Эфроса восхищает, он гибок по натуре — эти переходы от слез к смеху... А задачи, которые он ставит! Ведь показать мало, это многие умеют. А чтобы выполнить задачи Эфроса, нужно очень тонко все воспринимать.

— Вам достаточно для работы на театре хорошего режиссера?

— Актеру еще хороший партнер необходим — такой, чтобы чувствовал и понимал не только собственное «я», но и того, кто стоит рядом. Это не только на сцене — на съемочной площадке тоже. Вот Елена Соловей — идеальный партнер. Действительно идеальный — это я хорошо понял на фильмах Никиты Михалкова, в которых вместе с ней снимался. На сцене — Вячеслав Невинный... Евстигнеев очень чуткий. А если честно, по-настоящему хороших партнеров мало.

— Как и хороших режиссеров?

— Таких, как Михалков,

Вчера после спектакля «Гартюф», в котором блистало целое созвездие актеров — Ангелина Степанова, Александр Калягин, Анастасия Вертинская, Юрий Богатырев, Станислав Любшин, — таллинский зритель прочла с МХАТом. Сегодня МХАТ прощается с Таллином. Закончены гастролы, которые подарили публике незабываемые впечатления. Коллектив возвращается в Москву, чтобы на своей сцене завершить нынешний театральный сезон.

«Таллинские гастролы были последними в этом сезоне, — говорят мхатовцы. — Но не только этим они врезались в память. Они запомнились тем, что подарили истинное удовольствие от работы, которое приходит в тот миг, когда сцена и зал живут на едином дыхании. Благодарим вас за это».

На прощание нашему корреспонденту ЭЛЛЕ АГРАНОВСКОЙ дают интервью заслуженные артисты РСФСР АНАСТАСИЯ ВЕРТИНСКАЯ и ЮРИЙ БОГАТЫРЕВ.

Юрий Богатырев: «ВЧЕРА НЕ ПОХОЖЕ НА ЗАВТРА»

как Эфрос? Действительно мало. Может, и вовсе нет. Помимо всего прочего, режиссер должен быть прекрасным организатором — это не каждому дано, тут особая хватка нужна. Помню, в школе еще — руководил кукольным кружком, потом драматическим. Мне это плохо удавалось, потому что если меня не понимали, сразу начинал орать: ну что, дескать, здесь трудного — голова у куклы из папье-маше, все просто. А ребята обижались. А я дико злился.

— А теперь вы обижаетесь, когда на вас орут на сцене или на съемочной площадке?

— Не то слово. Тупею. И работать уже не могу — выпадаю. Потому и не стал, наверное, режиссером. Хотя, конечно, не только поэтому. Режиссер — это позиция, это взгляд человека-мыслителя, философа плюс организаторские способности. Это умение ценить людей, с которыми работаешь. С чего начинается утро у Никиты Михалкова? Он пока со всеми — от шоферов, осветителей и до актеров лично не поздороваешься, к работе не приступает. Его многие «баринком» называют, потому что, когда фильм закончен, всему техническому персоналу подарки делает. Это не барство — дело ведь не в подарках, а в благодарности, он благодарит людей за честный труд. И вместе с тем бывает резким. Но и резкость его от требовательности идет. Вся картина — в его руках. Один он ее снять не может и прекрасно это осознает. Игра в демократию? Не знаю. Знаю только, что людям с ним приятно работать.

— И актерам?

— Тем, кто хочет работать, да. Он — огромный труженик. «Обломов» мы три месяца только репетировали,

«Неоконченную пьесу» — два. Как на театре, все по сценам. Каждый вечер собирались в номере и оговаривали то, что будет завтра, часа три-четыре. Из ничего никакой результат не произойдет, все происходит только из работы, совместной работы. Михалков и актеров себе подбирает по принципу внутренней коммуникативности — так, чтобы мыслили на одной волне и один и тот же анекдот воспринимали на том, что в нем действительно смешно.

— До какой степени вы, актер, ему верите?

— До бесконечности. Так, как к Михалкову, я, пожалуй, еще к Илье Авербаху отношусь и к Виталию Мельникову. Это в кино. А на театре — к Эфросу. Эфрос и Михалков чем-то похожи в работе. Оба любят экспериментировать, не боятся занимать одних и тех же актеров. Вот Авербах побоялся после «Объяснения в любви» снять меня в «Фантазиях Фарятева», хотя я очень просил.

— Чего же он боялся? Насколько помнится, он очень гордится этой картиной, и Филиппком вашим очень доволен.

— Доволен, я знаю. А вот испугался, что Фарятев окажется похожим на Филиппка.

— Этого не могло произойти?

— Ни в коем случае. Я сам очень не люблю повторов. И пока еще никто меня в этом не упрекал.

— А вам самому «Объяснение в любви» нравится?

— Хорошая картина. Не без издержек, но хорошая. Я и в кино, и в театре динамику люблю, ритм, мне статика не очень нравится. А в этом фильме есть нарочитая замедленность, не затянута, а именно замедлен-

ность. Авербаху — он, кстати, не показывает актеру, он объясняет — все очень важно: и на огонь у него в комнате Зиночки долгий наезд, и, помните, игрушки, которые там стоят... Корабль, ретроспекции... И — три финала. Это, конечно, три пласта картины, но вскрываются они очень постепенно. Я считаю, лучше издержки в хорошей картине, чем проблиски в плохой.

— О чем вас чаще всего спрашивают?

— Юрий Георгиевич, вот вы актер, а еще — художник. Как вы это совмещаете? А я просто с детства рисую, даже три года учился в художественном училище. Рисую акварелью, гуашью, белыми — полуживопись, полуграфика. Для себя. Тем, кому нравится, смотрят.

— А на какие вопросы вы не любите отвечать?

— О моих планах на будущее. Актер — профессия странная, подневольная. Что ж тут планировать.

— А о нынешней работе?

— Сейчас снимаюсь в телевизионном фильме Швейцера «Мертвые души», в роли Манилова. Нас, мхатовцев, там много — Смоктуновский, Калягин, Невинный. Впервые работаю с самого начала в спектакле у Ефремова — играю героя в «Перламутровой Зинаиде».

— Премьеры — это всегда приятно. А как играть старые спектакли — в сотый, двухсотый раз?

— Ставлю новые задачи в пределах выстроенного рисунка и пытаюсь их решать. Каждый раз нужно находить что-то новое. А как же иначе? Ведь то, что было вчера, сегодня уже повториться не может. Так в жизни. Так и в искусстве.